

В. Г. ОРЛОВА

ИЗМЕНЕНИЯ В ХАРАКТЕРЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ НАРОДА

1

Постановка вопроса о связях и соотношениях, существующих между характером развития языка и развитием общества, определяется в современном советском языкознании основополагающими указаниями И. В. Сталина на то, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Разрешение этой огромной по своему значению проблемы возможно лишь на основе конкретно-исторического изучения процесса развития языков. Только такое изучение позволит установить все многообразие связей, существующих между характером развития отдельных языков и историей народов — их носителей. Подготовительная работа и свободный обмен мнениями дадут возможность выявить как связи и соотношения, общие для многих языков, так и связи частного характера, сформировавшиеся в условиях своеобразного исторического существования того или иного языка.

Для исследователя, работающего над проблемой связи истории языка и истории народа, огромное значение имеет указание И. В. Сталина на то, что разные стороны языкового строя обладают разной степенью устойчивости, характеризуются разными темпами развития. И. В. Сталин указал, что грамматический строй и основной словарный фонд являются самыми устойчивыми сторонами языка, медленно идущими по пути своего развития и совершенствования. В этом процессе постепенного развития разные элементы грамматического строя и основного словарного фонда изменяются не одновременно, что способствует отсутствию резких переходов от одного состояния языка к другому. Словарному составу языка на всем протяжении его развития свойственна несравненно большая изменчивость, поскольку непрерывно идет и расширяется процесс познания людьми объективного мира, поскольку становятся все более многообразными различные виды человеческой деятельности.

В свете этих положений закономерно может быть поставлен центральный для данной статьи вопрос о характере развития фонетического строя русского языка. Фонетический строй обеспечивает материальное воплощение в звуках всех тех сторон языка, о различной степени устойчивости которых говорит И. В. Сталин. Общий ход развития фонетического строя русского языка в данной статье сопоставляется с изменениями в морфологической системе, закономерности развития которой получили непосредственное освещение в работах И. В. Сталина.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22.

Совокупность звуков языка и закономерности их употребления образуют область языковой «природной материи», т. е. фонетический строй языка, обладающий значительной самостоятельностью и развивающийся по своим внутренним законам. Однако процессы развития фонетического строя связаны с историей народа — носителя языка.

Вульгаризаторский подход к разрешению вопроса о связи развития языка с развитием общества у представителей «нового учения» о языке выражался, как известно, в том, что историю языка, без всякой дифференциации его различных сторон, они непосредственно соотносили с историей экономических базисов. Подобная связь по существу лишь приписывалась языку: никакими конкретными языковыми данными она не подтверждалась и подтверждена быть не могла. Тем более не учитывалось то, что разные стороны языка по-разному связаны с различными моментами общественного развития и по-разному их отражают.

Говоря о непрерывных изменениях словарного состава языка, И. В. Сталин указывает на целый ряд моментов общественного характера как на источник этих изменений: «...словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.»². Эти указания И. В. Сталина очень важны в методологическом отношении: отбрасывая порочную марровскую формулу о развитии языка, в том числе его словарного состава, как надстройки, И. В. Сталин обращается к тем реальным связям с историей носителей языка, которые имеет данная сторона языка, взятая в развитии. Поэтому, пытаясь определить характер связи развития фонетического строя русского языка с историей народа, мы должны опираться на конкретно-исторический анализ данного развития в сопоставлении с историей носителей языка.

Этот анализ приводит к выводу, что особое внимание должно быть уделено тем историческим периодам общественного развития, в которых преобладают процессы дифференциации языков и их носителей, получающих возможность более или менее обособленного существования. При этом отчетливо выявляется та особенность, что в периоды обособленного существования языковых групп фонетические новообразования возникают раньше и относительно быстрее новообразований грамматических. Иными словами, при общем медленном развитии языка фонетические новообразования возникают в сравнительно менее длительные периоды обособленной жизни данной языковой группы, чем новообразования грамматические.

В истории различных языков, в том числе и русского, дифференциация языковых групп решительно преобладает в более ранние периоды их существования, именно в доклассовом обществе; в классовом обществе, как это будет показано ниже, дифференциация является лишь одним из частных случаев развития.

Характеристику периода преобладания дифференциации языковых групп находим у К. Маркса в «Конспекте книги Льюиса Г. Моргана „Древнее общество“»: «*Постоянная тенденция к разделению коренилась в элементах родовой организации; она усиливалась тенденцией к образованию различия в языке, неизбежной при их (т. е. диких и варварских племен) общественном состоянии и обширности занимаемой ими территории. Хотя устная речь замечательно устойчива по своему лексическому составу и еще устойчивее по своим грамматическим формам, но она не*

² Там же, стр. 25.

может оставаться неизменной. Локальное разобчение — в пространстве — вело с течением времени к появлению *различий в языке*; это приводило к обособлению интересов и к полной самостоятельности»³.

Устойчивость лексического состава и грамматических форм языка, указанная К. Марксом, получила в настоящее время в работах И. В. Сталина конкретную характеристику, в которой подчеркивается устойчивость основного словарного фонда, сохраняющегося «во всем основном», и грамматического строя языка при более быстром и непрерывном развитии словарного состава. Факты истории русского языка свидетельствуют о том, что для тех периодов существования общества, когда господствует «постоянная тенденция к разделению», характерны, наряду с изменениями в словарном составе языка, и изменения фонетического характера.

Выдвигающийся в дальнейшем единый и общий, хотя бы по тенденции своего развития, тип языка, который И. В. Сталин характеризует как превалирующий над местными говорами, подчиняющий их себе, является в периоды усиленной языковой дифференциации (особенно в наиболее древние из них) еще ненормализованным и в силу этого менее мощно противостоит вновь возникающим изменениям. Предпосылки генетического характера, принадлежность в прошлом к одному роду, племени, — вот то основное условие, которое в такие периоды определяет языковую общность, фактически наблюдающуюся внутри всей выделившейся группы.

Отсутствие нормализованного языка определяется в это время тем, что люди, пользующиеся языком всегда по определенным сложившимся в нем нормам, на раннем этапе общественного развития, при невысоком уровне развития познавательной деятельности, не осознают еще норм языка, не фиксируют их. Если даже в этот период имеет место создание письменности, оно представляет собой первое проявление успехов познавательной деятельности народа по отношению к своему языку, ее начало. Правила и закономерности данного языка еще остаются не установленными и не зафиксированными. Таким образом, неустойчивость социальных общностей, пользующихся языком, первоначальное совпадение языка и племени, ненормализованный или слабо нормализованный характер языка, занимающего превалирующее положение, — все это создавало благоприятные, в другие периоды в полной мере не повторяющиеся, предпосылки для возникновения и распространения фонетических новообразований и исключало возможность выравнивания или устранения этих новообразований.

Причины изменений в материальной стороне языка на ранних этапах его развития многообразны. Определяющую роль здесь играет развитие звуковой системы на основе взаимодействия разных ее сторон, на основе возникающих между ними противоречий, т. е. тот тип развития, который свойственен и другим явлениям материального мира и который наиболее ярко проявляется в звуковой системе именно в описываемых исторических условиях жизни языка. Однако на всех этапах существования языка такое развитие звуковой системы на основе внутренних противоречий могло сочетаться с изменениями, складывавшимися под влиянием факторов лексического, морфологического, синтаксического характера. Эти последние то ограничивали распространение возникавших фонетических новообразований, то сами вызывали их к жизни (ср., например, появление новых фонем вместе с заимствованной лексикой или особый тип редукции

³ Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 79.

гласных в зависимости от их постоянной слабой ударяемости в предложении).

В истории языка фонетические изменения неоднократно приводили к совпадению звучаний слов, но эти совпадения никогда не создавали какой-либо угрозы общению. Это объясняется прежде всего тем, что все эти изменения протекали медленно, постепенно и, что самое главное, одновременно. Большую роль играло при этом то, что язык с самого древнейшего времени обладает такими способами выражения значений и выполнения своей коммуникативной функции, какими являются нормы его грамматики и возможности использования контекста.

При этом следует еще раз подчеркнуть, что процесс общественного дробления как таковой создает условия для развития языкового разнообразия в смысле возникновения отличающихся друг от друга языковых групп. Дело в том, что звуки языка, являющиеся его «природной материей», не даны человеку как какая-то биологическая унаследованная особенность, а передаются от поколения к поколению в порядке естественно протекающего усвоения. Изменения в артикуляции того или иного звука или группы звуков, возникающие в результате внутренних процессов развития самой материальной физиолого-акустической стороны языка, передаются от поколения к поколению в пределах определенной группы населения, связанной общением. Естественно, что при отделении и обособлении отдельных групп носителей того или иного языка вновь появляющиеся или развивающиеся изменения в материальной стороне языка становятся достоянием только отделившейся группы и в первую очередь определяют ее языковое своеобразие.

В своих последних работах, посвященных учению И. В. Сталина о языке, акад. В. В. Виноградов указывает на то, что определение качества языка и характера его изменений на том или ином этапе должно опираться на изучение уровня общественного развития в соответствующую эпоху: «К общественным условиям развития языка относятся изменения его социальной основы, общественной организации его носителей, обусловленные развитием общества. Язык племени, язык народности и национальный язык различаются по объему и многообразию своего общественного применения, по своей организующей и объединяющей силе в отношении диалектов и, следовательно, отчасти и по элементам своего качества»⁴ (подчеркнуто мною. — В. О.).

И далее: «Прежде всего круг применения языка, культурно-политические сферы его развития, объем и сущность тех социальных „общностей“, которые обслуживаются языком, всецело определяются историей общества, историей народа. В отрыве от развития общества невозможно и беспечно изучать процессы образования и последовательного развития языков родовых, племенных, языков народностей и языков национальных»⁵.

2

Исторически засвидетельствован факт интенсивной дифференциации славянских племен, наметившийся к VI в. н. э. и выразившийся в обособлении трех славянских групп: южной, западной и восточной. Задачей настоящей статьи не является рассмотрение вопроса о том, какие еще более древние процессы дифференциации и интеграции пережили до этого славянские группы населения. Интересные данные по этому вопросу имеются в ряде исследований современных советских историков. Период диф-

⁴ В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., «Правда», 1951, стр. 11.

⁵ Там же.

ференциации славянских групп населения около VI в. н. э. привлекает языковеда определенностью своих собственно-исторических свидетельств, а также тем, что сравнительная грамматика славянских языков дает нам возможность представить те общие процессы, которые, начавшись еще до VI в., могли затем развиваться в последующие века (VII, VIII, IX в. н. э.), т. е. уже в период раздельного существования этих групп, и привести к возникновению языковых новообразований в пределах каждой из таких групп.

Несомненные свидетельства в этом отношении дают нам и сохранившиеся памятники письменности X—XI вв., в частности, памятники, написанные в древней Руси, так как ясно, что общая система языка, представленная в этих памятниках, сложилась задолго до их появления, еще в тот период, когда обособление восточнославянской языковой группы находилось в процессе оформления. Таким образом, имеются все основания полагать, что памятники X—XI вв. отражают результаты языковых процессов предшествующего периода (приблизительно с VI по IX в.) и, следовательно, на основании этих памятников можно судить о том, каковы были соотношения изменений разных сторон языка именно в этот ранний период.

Ограниченность материалов, извлекаемых из памятников письменности X—XI вв., не позволяет нам судить о том, какими именно различиями характеризовались лексические системы каждой из славянских групп, получивших раздельное существование. Однако мы знаем, и в настоящее время это не требует специальных доказательств, что наибольшая изменчивость словарного состава характеризует язык на всех этапах его существования, поскольку изменения условий жизни и в первую очередь условий производственной деятельности порождают необходимость в обозначении целого ряда новых предметов, явлений, процессов и т. п. В связи с этим можно не сомневаться в том, что различия в словарном составе возникали в пределах дифференцирующихся групп. Кроме того, мы находим в памятниках письменности употребление различных слов для выражения сходных или одинаковых значений: ср., например, в Остромировом евангелии употребление слов *ити*, *печаль*, *почьто*, *пастухъ*, *пештера* и др. на месте слов *грѣсти*, *скърбъ*, *въскъжъ*, *пастырь*, *пешть* и др., представленных в других памятниках.

При этом следует иметь в виду, что жанровое однообразие древних памятников (преимущественно церковно-религиозного содержания) создавало преграду проникновению в них разговорной лексики, и это ограничивает возможности изучения лексико-стилистических различий в живом языке того времени.

Возникновение лексических различий между дифференцировавшимися группами при выражении сходных или одинаковых значений связано с тем, что при выражении одних и тех же понятий в разных языковых группах могли быть использованы различные ассоциации — в соответствии с внутренними законами развития языков. Так, обозначение «печали» в одних языках строилось на основе корня *пек-*, по ассоциации со значением «печься», «заботиться» (*пештисѦ*), в других языках — на основе корня *скърб-*, по ассоциации со значением «нанести, испытать физический ущерб» (ср. первоначальное значение глагола *оскърбити*; ср. также современное *ущерб* из более древнего **u-* *скърб-ъ*).

Что касается морфологического строя, то здесь не удастся указать сколько-нибудь существенных различий в системе грамматических категорий, известных памятникам письменности одних славянских групп и не известных другим. Единой оказывается вся система склонения с характерной для нее группировкой типов, категориями падежа и числа; нет

также расхождений в значениях отдельных падежей; то же единство следует подчеркнуть и в системе спряжения.

Старославянские памятники письменности разных изводов представляют расхождения лишь в том отношении, что одинаковые грамматические значения оказываются в них выраженными при помощи различных в отношении звучания форм. Ср., например, из числа наиболее древних явлений несовпадение форм род. падежа ед. числа имен существительных с основами на **ja*: *землѧ* в южнославянских памятниках, *земль* — в восточных и западных; различие в формах 3-го лица глаголов: окончание *тъ* в южнославянских памятниках, *тъ* — в восточных; различие в формах действительных причастий настоящего времени: *несы* — в южнославянских памятниках, *неса* — в восточных и западных.

Сказанное выше не означает, что на протяжении всего рассматриваемого периода морфологический строй не развивался. Хотя отделившиеся языковые группы (в нашем случае — восточнославянская группа) сохраняли тот фонд грамматических категорий, который сложился еще в языке-основе, процесс развития морфологического строя языка не прекращался: он выражался в медленной, постепенной, неравномерно идущей подготовке качественных изменений. Предпосылки и условия неуклонного поступательного развития морфологического строя создавались в процессе использования уже имеющихся грамматических средств, в процессе уточнения и ограничения синтаксического употребления разных грамматических категорий. Отражение процессов синтаксической дифференциации грамматических категорий находим и в памятниках древнерусской письменности.

Такова, например, прослеживаемая в этих памятниках специализация в синтаксическом употреблении именных и местоименных прилагательных, подготовившая последующие морфологические изменения в категории именных прилагательных. Эта специализация выражается прежде всего в том, что в состав сказуемого в древнерусском языке старшей поры входили только именные формы прилагательных, а местоименные формы употреблялись только в функции определения, где они явно вытесняют именные формы, утрачивавшие в связи с этим склонение.

В процессе синтаксического употребления складывалась также и постепенная подготовка утраты вспомогательного глагола в формах перфекта и условного наклонения. Личное значение подлежащего прежде всего устраняло необходимость в употреблении вспомогательного глагола в третьем лице и приводило или к его пропуску, или — в условном наклонении — к употреблению вспомогательного глагола в форме любого лица. Случаи употребления личных местоимений в качестве подлежащего создавали возможность пропуска связки также в формах 1-го и 2-го лица.

Можно также отметить характерные процессы утраты более конкретных, частных категорий и постепенное поглощение их другими, более общими. Таково, например, отмечающееся в древнерусских памятниках с XI в. исчезновение супина и появление форм инфинитива там, где в древности употребление форм супина было обязательной нормой.

Видимо, в это же время подготавливались изменения в области категории числа, шедшие также по линии устранения узкой по значению категории двойственного числа и поглощения ее категорией множественного числа. В этом же плане идет и начавшийся в очень давнее время процесс устранения разновидностей склонения в пределах одного грамматического рода, существовавших в языке уже в качестве лексико-грамматических групп; древний признак — тематический гласный основы, по которому эти разновидности когда-то выделялись, — утратил свою актуальность в результате происшедших фонетических изменений.

Намечавшееся объединение имен существительных в единый тип

склонения на основе принадлежности их к одному грамматическому роду означало, что объединяющим признаком внутри каждого отдельного типа склонения постепенно становился признак достаточно общего характера, поскольку сама категория грамматического рода представляет собой высокую степень грамматической абстракции. Однако все процессы морфологического характера представляются на протяжении данного периода незавершенными, не давшими еще закрепившихся морфологических новообразований; идет лишь постепенная подготовка отдельных качественных изменений.

Если мы сравним медленное развитие грамматической системы в первоначальный период обособленного существования восточнославянской языковой группы с развитием фонетического строя, то увидим здесь существенное различие. В отличие от грамматической системы, звуковой строй представляет нам в этот период значительное количество достаточно оформившихся и определившихся новообразований.

К числу фонетических новообразований, сложившихся на протяжении раннего периода существования восточнославянской языковой группы (VI—IX вв.), как известно, относятся следующие: утрата носовых гласных звуков; начало ослабления редуцированных гласных *ъ* и *ь* в так называемой слабой позиции; развитие сочетаний *оро*, *ере*, *оло* (в словах типа *борода*, *берег*, *молоко*); своеобразное развитие сочетаний *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* (в словах типа *тѣрѣѣ*, *пѣрѣѣ*, *пѣлнѣѣ*), не приводившее к возникновению в этих случаях слоговых плавных звуков, как это имело место в некоторых других славянских языковых группах, например, южной; возникновение ряда своеобразных палатальных согласных в результате изменения согласных в сочетании с *j*; развитие мягкости согласных в положении перед гласными переднего ряда.

Таким образом, развитие фонетического строя, «языковой природной материи», оказывается на раннем этапе развития языка идущим относительно более интенсивно, чем развитие грамматического строя.

Сопоставление фонетических изменений с изменениями словарного состава языка и его морфологического строя показывает, что учение И. В. Сталина о разной степени устойчивости различных сторон языка покоится на глубоких основаниях и вполне подтверждается даже самым общим и предварительным анализом развития русского языка в определенных конкретно-исторических условиях.

3

Эпоха существования классового общества на разных его этапах характеризуется неодинаковыми условиями развития отдельных сторон языка. В настоящей статье эти условия рассматриваются на материале различных исторических периодов развития русского языка. Некоторые общие соображения, которые следует предпослать этому рассмотрению, не претендуют на то, что они могут быть безоговорочно распространены на развитие языков вообще, так как эти общие соображения основываются на анализе только русского языкового материала; однако само собой разумеется, что многие из устанавливаемых закономерностей не чужды и другим языкам.

Определяя условия развития языка в период существования классового общества, необходимо иметь в виду своеобразное для каждого отдельного исторического периода, нередко противоречивое, сочетание процессов языковой дифференциации и интеграции, связанных с аналогичными процессами общественного характера. Для периода существования классового общества взаимодействие этих процессов, в отличие от предшествующего периода родо-племенного строя, имеет гораздо более сложный характер.

Под дифференциацией языков в этот период следует, повидимому, понимать не только распадение одного языка на несколько самостоятельных языков (что наблюдается в классовом обществе редко и только при распаде государства), но и то последующее появление и развитие новых языковых отличий, которое наблюдается в выделившихся из языка-основы родственных языковых группах. Так, западная, южная и восточная группы славянских племен, обладавшие в период распада общеславянского языка-основы гораздо большей близостью языкового строя, в ходе дальнейшего самостоятельного существования углубляют свои языковые различия и вырабатывают новые; это свидетельствует не о прекращении процессов дифференциации, а о новых формах этих процессов. Последующее развитие славянских языков представляет дальнейший рост и углубление этих процессов дифференциации, выражающихся в формировании новых языковых различий.

С другой стороны, внутри отдельных выделившихся языковых групп в определенные исторические периоды их существования наблюдается действие ярко выраженных объединительных тенденций — процессов языковой интеграции⁶. Наличие этих процессов, действующих вместе с процессами дифференциации, создает необходимые предпосылки для того, чтобы языковые отличия, развивающиеся в данной языковой группе, становились достоянием всех ее территориальных подразделений, а вся данная языковая группа, взятая в целом, стала бы еще резче отличаться от других самостоятельных языковых групп. При этом можно отметить, что чем крупнее и устойчивее становятся социальные общности, обслуживаемые языком, тем ярче проявляется действие процессов языковой интеграции.

Действие процессов языковой интеграции представлено на разных этапах существования классового общества, но в разные исторические периоды это действие неодинаково и по времени, и по интенсивности своего проявления. В этом отношении, видимо, следует различать период до установления структуры языка как языка национального и период существования этого последнего. Наиболее яркое и последовательное выявление процессов языковой интеграции обнаруживает именно устанавливающаяся структура национальных языков: нормализованная форма языка, получая превалирующее положение, обладает наибольшими возможностями распространения в среде всех представителей нации. Что касается действия процессов интеграции в донациональный период существования русского

⁶ Т. С. Шарадзенидзе (см. ее статью «Процессы дифференциации и интеграции языков в свете учения И. В. Сталина», «Вопросы языкознания», М., 1952, № 1, стр. 65—79) видит интеграцию языков в классовом обществе исключительно в процессах языкового скрещивания, когда «...победившая нация пытается насильственным путем навязать свой язык угнетенной нации, изгнать из употребления, уничтожить местный язык» (стр. 70). Интеграция языков, рассматриваемая в таком плане, не имеет решающего значения для развития языков или групп родственных языков как таковых, ибо «...скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков...» (И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30); следовательно, при скрещивании мы имеем в основном распространение одного языка (победителя) среди носителей другого языка (побежденного), при возможном частном и эпизодическом влиянии элементов последнего на язык победивший. Таким образом, точка зрения Т. С. Шарадзенидзе по существу исключает возможность изучения языковой интеграции в пределах того или иного отдельного языка или группы родственных языков.

Суженно рассматриваются в статье Т. С. Шарадзенидзе и вопросы дифференциации языков, понимаемой ею как процесс «... в результате которого язык распадается на несколько самостоятельных языков и, таким образом, из одного языка возникает несколько языков» (стр. 65). Своеобразия дифференциации языков в классовом обществе автор не замечает, считая, что в этот период лишь сужаются возможности данного процесса, широко распространенного в родовом обществе. По мнению Т. С. Шарадзенидзе, дифференциация в классовом обществе имеет место только в случае распада государства (см. стр. 76).

языка, то, как это будет показано дальше, оно могло вызываться рядом своеобразных исторических условий, типичных лишь для того или иного конкретного периода.

В связи со всем сказанным можно сделать вывод, что период существования классового общества, в отличие от доклассового, характеризуется противоречивым сочетанием тенденций интеграции и дифференциации⁷; в конечном счете это приводит к относительной консолидации диалектов, исторически объединившихся внутри национальных языков.

Как уже отмечалось выше, характер развития языка в классовом обществе в известной мере определяется степенью нормализованности того типа языка, который выделяется как «единый и общий» и занимает превагирующее положение. Большое значение для приобретения этим типом языка нормализованного характера имеет появление письменности и, что самое главное, выработка и фиксация норм и правил письменного языка, появляющихся в результате его длительного существования и развития; еще более длительным является процесс формирования всеобщего нормализованного типа языка, т. е. такого, в котором закрепились не только письменные, но и произносительные нормы.

Интенсивность влияния единой и общей формы языка на местные диалекты зависит, однако, не только от степени ее нормализованности: вернее будет сказать, что успехи этой последней определяются историческими условиями существования языка. Укрепление государственности, упрочение экономических и политических связей в пределах государства, общий рост культуры и просвещения создают условия для формирования и укрепления норм языка, а в дальнейшем определяют положение самого этого нормализованного языка, перспективы его развития, степень его влияния на местные диалекты.

В последующем изложении, при рассмотрении различных этапов истории русского языка в связи с историей формирования классового общества и становления русского государства, попытаемся проследить влияние только что сформулированных условий на развитие фонетической системы языка сравнительно с изменениями в морфологической системе.

4

Возникновение государства у восточных славян к IX в. как результат развития классового строя в период обособленного существования восточных славян отражает консолидацию их в самостоятельную народность. Весь период существования древнерусского (восточнославянского) государства, включающий в качестве более раннего этапа государственное образование Среднего Поднепровья, именуемое «Русской землей», легшее потом в основу уже собственно Киевского государства, не был и не мог быть одинаковым в отношении экономических и политических связей между различными группами восточного славянства⁸. В этот период в процессе

⁷ Противоречивое сочетание процессов дифференциации и интеграции языков в эпоху феодальной раздробленности отмечает Р. И. Аванесов: «Эпоха феодализма, таким образом, характеризуется, с одной стороны, объединением, унификацией диалектов старшей формации внутри отдельной феодальной единицы (земли, княжества — «полугосударства») и постепенной выработкой ее единого языка; с другой стороны — все большим их расхождением по отношению друг к другу, развитием новых языковых особенностей, различных на территории разных феодальных земель». (См. статью Р. И. Аванесова «Учение о языке и диалекте в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 303.)

⁸ См. характеристику этих связей, например, в книге А. Н. Насонова «„Русская земля“...», М., Изд-во АН СССР, 1951, гл. I, где излагаются и систематизируются взгляды и других советских историков по этому вопросу.

противоречивого сочетания центростремительных и центробежных тенденций подготавливается последующее (в XII в.) обособление самостоятельных полугосударств.

А. Н. Насонов так характеризует этот период: «Киевское государство, представляющее собою неустойчивое единство, объединяло территорию, разбросанную на широком пространстве восточноевропейской равнины, освоенную не сплошь. Внутри этой громадной территории оставались большие пространства, на которые фактически не распространялась государственная власть; на иные части она могла распространяться номинально или нерегулярно»⁹.

Подобные условия общественно-экономического характера сами по себе не создавали предпосылок для языкового единства: однако это языковое единство, несомненно, существовало у восточных славян IX—XI вв. как факт, обусловленный причинами генетического порядка. Генетически унаследованная общность языка восточнославянских племен, объединившихся в восточнославянскую народность, — факт, подтверждаемый всеми данными сравнительно-исторического изучения¹⁰. Восточнославянские племена, выделившиеся из среды всего славянства, пережили длительный период общего языкового развития, прежде чем феодальная раздробленность стала вызывать к жизни достаточно определенные явления языковой дифференциации.

Тенденции к феодальной раздробленности наметились еще в недрах Киевского государства: «Хотя феодальная раздробленность установилась во второй половине XI и в XII в., рост территории самостоятельных или будущих „самостоятельных полугосударств“ относится не только к этому времени, но и к предшествующей эпохе, к IX—XI вв.»¹¹. В связи с этим можно допустить, что тенденции к возникновению известного количества языковых новообразований в пределах отдельных племен могла иметь место и в этот период. Однако при этом нужно помнить, что в период существования восточнославянской народности действовал целый ряд факторов, которые поддерживали сохранение языкового единства, опиравшегося на общность происхождения.

Так, в пределах восточнославянской народности существовал тип языка, который мог бы занять превалирующее положение, если бы не наступила последующая эпоха феодальной раздробленности. Это был язык восточнославянского юго-запада — то киевское койне, которое в данных конкретных исторических условиях существовало как фактор, поддерживавший языковую близость восточных славян, но не формировавший ее. Большое значение для этого периода имело также бытование в среде восточного славянства произведений устного поэтического творчества и хранившихся в устной традиции преданий, многие из которых возникли еще в предшествующий период более тесного языкового единства¹². Нужно иметь в виду, что роль произведений народного творчества в ту эпоху была совсем иной, чем при последующей феодальной и

⁹ А. Н. Насонов, указ. соч., стр. 25.

¹⁰ Определяющее значение генетического фактора для языковой общности языка народности уже отмечалось исследователями: см. статью Л. П. Якубинского «Образование народностей и их языков» в «Вестнике Ленингр. ун-та», 1947, № 1, стр. 143—144; см. также указ. выше статью Р. И. Аванесова, стр. 299.

¹¹ А. Н. Насонов, указ. соч., стр. 7.

¹² Указания на то, что высокоразвитое устное поэтическое творчество существовало у восточных славян давно, что оно не просто предшествовало появлению письменности, а подготовило тот высокий уровень древнерусской литературы, который мы видим в сохранившихся памятниках, мы находим в настоящее время в ряде работ, посвященных этому вопросу; см., например, сб. «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 139; Д. С. Лихачев, «Повесть временных лет».

диалектной раздробленности, когда эти произведения исполнялись на местных, значительно разошедшихся и обособившихся диалектах: в условиях существования единой по языку восточнославянской народности эти произведения выступали как одно из средств поддержания языкового единства.

В IX—XI вв. у восточных славян существует письменность, появление которой, видимо, относится к гораздо более глубокой древности, чем это считали ранее. Об этом свидетельствуют исследования лингвистов (см. работы акад. С. П. Обнорского), а также археологические находки, сделанные под руководством проф. А. В. Арциховского, доказывающие широкое распространение грамотности на Руси в XI в. и тем самым приводящие к предположению, что письменность на Руси бытовала издревле¹³. Однако само собой разумеется, что по отношению к этому периоду нельзя говорить о сколько-нибудь ощутительном воздействии письменных норм на развитие устной речи, да и сами эти нормы были еще очень неустойчивы и слабы.

Язык восточнославянской народности характеризуется, таким образом, прежде всего генетически унаследованным единством структуры и внутренних законов развития. Однако в его пределах не было той высшей формы языка, которая имела бы ярко выраженное превалирующее положение, а те формы, которые имели тенденцию развиваться в этом направлении, не были нормализованными и потому не ставили преград вновь возникающим новообразованиям. Поэтому можно считать — и это подтверждается фактами языка — что по условиям развития языка данный период во многих отношениях продолжает тенденции предшествующего. Языковая дифференциация, проявляющаяся в развитии своеобразия языка всей восточнославянской группы в целом, продолжается и ведет к еще большему ее обособлению от других славянских языковых групп. Характерной особенностью остается и то, что определяющим типом языковых изменений этого периода являются относительно интенсивные изменения фонетического характера, общие для всей восточнославянской группы. Так, например, такой фонетический процесс определяющего значения, как падение редуцированных, хотя и проходил у восточных славян не одновременно (раньше на юге, позднее на севере), тем не менее был единым по результатам. Появление гласных *о* и *е* на месте сильных редуцированных, первоначальное появление *ы* и *и* на месте *ѣ* и *й* редуцированных (*мыју, лију* и т. п.), судьба характерных восточнославянских сочетаний *ѣр, ѣл, ѣр* (возникновение на их основе новых сочетаний *ор, ол, ер*, например: *торг, полный, первый*) — вот целый ряд общих важнейших фонетических изменений, появившихся в результате падения редуцированных гласных во всем восточнославянском мире.

Общей была также и первоначальная тенденция к лабиализации *е* перед твердыми согласными, хотя полное развитие этого процесса протекало, видимо, значительно позднее. Наличие общих фонетических изменений не исключало, конечно, и процессов местного значения, т. е. развития новых диалектных различий; однако определяющим для периода существования древнерусского государства остается все же единство фонетических новообразований.

Сопоставление изменений в области фонетического строя с изменениями

(Историко-литературный очерк), ч. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 29—30; его же, Возникновение русской литературы, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 25—26.

¹³ Об изучении истории возникновения русской письменности см. В. В. Виноградов, Предисловие к «Истории древнерусского языка» Л. П. Якубинского, М., Учпедгиз, 1952, а также вышеупомянутую книгу Д. С. Лихачева «Возникновение русской литературы», стр. 14—25.

в области грамматики (морфологии) показывает, что некоторые морфологические процессы, наметившиеся еще в предшествующую эпоху, получают свое завершение лишь на протяжении всего периода обособленного существования восточнославянской языковой группы; это говорит о медленности развития морфологического строя и о гораздо большей его устойчивости по сравнению с звуковым строем языка. Так, например, наметившаяся еще в глубочайшей древности синтаксическая дифференциация функций именных и местоименных прилагательных лишь на протяжении всего периода общей жизни восточнославянской языковой группы приводит к утрате склонения отдельными группами именных прилагательных, прилагательными в форме сравнительной степени и именными причастиями. Точно так же лишь на протяжении всего этого периода получает свое завершение процесс утраты форм двойственного числа.

Формы перфекта, а также формы условного наклонения в процессе синтаксического употребления утрачивают выражение категории лица, в связи с чем происходит изменение самих этих форм (утрата вспомогательного глагола в формах перфекта, утрата личных форм вспомогательного глагола в условном наклонении). Другие морфологические процессы, начавшиеся в глубочайшей древности, продолжают развиваться, постепенно накапливая элементы нового качества. Таков был процесс перегруппировки типов склонения на основе принадлежности имен существительных к одному грамматическому роду и параллельно развивавшиеся процессы взаимовлияния твердого и мягкого вариантов склонения, оформление более или менее единого типа склонения во множественном числе и др.

5

Период феодальной раздробленности в истории восточных славян характеризуется, как это показано в работах советских историков, сочетанием противоречивых тенденций: сложившаяся к XII в. относительная самостоятельность отдельных полугосударств не исключала в то же время известного их единства. Оформление этой, хотя бы и относительной, самостоятельности феодальных «земель» или «княжеств» означало также, что территориальный признак языкового деления получает решающее значение и окончательно приходит на смену племенному признаку предшествующего периода. Для понимания состояния языка в этот период важно также иметь в виду, что такие факторы, как децентрализация государственной власти и создание ряда областных государственных центров приближали эту власть к местному населению и способствовали освоению местных территорий. А. Н. Насонов, подчеркивая это положение, пишет: «Весьма интенсивно процесс образования государственной территории протекал во второй половине XI и в начале XII в. Такой вывод не должен казаться парадоксальным. Наоборот, он стоит в полном согласии с теми данными и соображениями о развитии феодальных отношений, которые высказывались в литературе. Эта эпоха характеризуется заметными успехами в освоении феодалами общинных земель, усилением различных видов феодальной эксплуатации, повышенным интересом к вирам и продажам... Нет ничего удивительного в том, что именно этот период, когда феодальный уклад получает широкое распространение, оказывается и периодом интенсивного расширения государственной территории или, точнее, освоения территории государственной властью»¹⁴.

Важно также отметить, что тяготение к одному центру (Киеву), преобладавшее в предшествующий период, сменяется более сложной системой

¹⁴ А. Н. Насонов, указ. соч., стр. 25—26.

взаимоотношений «самостоятельных полугосударств». Связи между ними нередко определяются общим тяготением нескольких таких «полугосударств» к одному более мощному центру. С этим могла сочетаться известная зависимость менее мощных «полугосударств» друг от друга; определенную роль играли также связи, устанавливавшиеся в результате территориальной близости, соседства. Во второй половине этого периода, к концу XIV в., в сложной системе связей мало-помалу выявляется ведущая линия образования русской, украинской и белорусской народностей.

В первой половине этого периода (XII—XIV вв.), когда происходит распадение одних и возникновение других удельных княжеств и процессы дифференциации еще преобладают, открываются широкие возможности возникновения языковых новообразований. Эти новообразования (не говорим сейчас о словарном составе) сравнительно более интенсивно протекают в области фонетического строя; в отличие от предшествующего периода, распространение их теперь более локализовано в территориальном отношении. Многие новообразования, возникнув в пределах той или иной языковой области во время ее обособленного существования, продолжают существовать лишь в пределах данной области. В связи с этим углубляются диалектная раздробленность; именно в этот период окончательно оформляются основные диалектные группы русского языка. Однако ряд новообразований, возникших в пределах одного из «самостоятельных государств», может затем распространяться на территориях, по тем или иным причинам связанных друг с другом.

Такое распространение новообразований могло бы быть значительным в связи с процессом объединения ранее самостоятельных княжеств вокруг Москвы, поскольку «уже во второй половине XIV в. Северо-Восточная Русь была охвачена в разных направлениях торговыми сношениями, разрушавшими прежнюю местную замкнутость»¹⁵. Однако здесь следует учитывать, что расширение территории Московского княжества, начавшееся еще в середине XIV в., шло первоначально в пределах областей Ростово-Суздальской Руси, а в дальнейшем также преимущественно в пределах северных и северо-западных областей (Новгорода, Пскова), т. е. происходило объединение более или менее однородных в диалектном отношении областей, в прошлые исторические периоды тесно и непосредственно связанных друг с другом, в связи с чем роль происходившего объединения территорий для распространения языковых новообразований была невелика.

Таким образом, общность языка русской народности, как и общность языка древнерусского (IX—XI вв.), определяется преимущественно моментами генетического порядка: в языке русской народности объединялись группы, близость которых друг к другу объясняется результатами предшествующего языкового развития. В то же время следует подчеркнуть, что тот тип языка, который имел относительно господствующее положение в языке русской народности, был распространен в живом употреблении на территориях, преобладавших и в количественном отношении, поскольку рост Московского государства прежде всего происходил на основе объединения исконных областей Ростово-Суздальской Руси, наиболее единых в языковом отношении. Этот тип языка используется в деловой письменности, при управлении, а также, возможно, в ряде случаев и при междиалектном общении. Однако влияние языка этих областей, осуществлявшееся главным образом через сферу административно-делового общения (в других видах письменности царят еще традиции письменного языка восточнославянской народности), не могло

¹⁵ История СССР, т. I, М., Соцэкгиз, 1939, стр. 236.

быть решающим для развития территориальных диалектов, объединявшихся языком русской народности.

В основном это объясняется причинами социально-экономического характера: носители диалектов, т. е. население деревень, прикрепленное к земле, в это время еще не втянуто в регулярные экономические связи с городами, особенно с городами центральной территории государственного управления; еще нет и отлива крестьянского населения в города. В конкретно-исторических условиях существования русской народности «единый и общий» тип языка не мог достаточно окрепнуть также и потому, что уже в XVI в. начинается превращение русского государства в многонациональное централизованное государство, и это сопровождается новыми изменениями в соотношении различных областей по их экономической и политической значимости.

Такова была та конкретно-историческая обстановка, в которой начался процесс изменения самой основы языка, имевшего тенденцию стать единым и общим в пределах русской народности. Большую роль в этом изменении сыграл рост политического и экономического значения областей на юг от Москвы, где в XVI—XVII вв. происходило интенсивное укрепление государственных границ (в середине XVI в. устраивается тульская засечная черта, строятся в XVI—XVII вв. и другие оборонительные линии). Этим обстоятельством, а также происходящими в это время крестьянскими войнами могли быть вызваны перемещения больших масс населения.

Указанные исторические условия создали предпосылки для изменения диалектной базы языка русской народности: он начинает перестраиваться на основе в недавнем прошлом диалектной (южной, курско-орловской) периферии, выработавшей свои языковые отличия в предшествующий период феодальной раздробленности¹⁶.

Имея в виду медленное развитие грамматического строя и основного словарного фонда, мы не можем предположить, что за период феодальной раздробленности между южнорусскими и севернорусскими говорами появились значительные различия лексического или грамматического характера. Это подтверждают и данные современных русских диалектов: в отношении грамматического строя и основного словарного фонда черт различия в них меньше, чем черт сходства. Поэтому взаимодействие в языке русской народности новых — южнорусских и старых — севернорусских языковых начал, шедшее при основной, решающей роли южнорусского элемента, могло касаться и касалось больше всего фонетической стороны языка и его словарного состава.

6

Предпосылки формирования национального языка возникают еще в языке народности; непосредственная связь и преемственность между этими двумя этапами существования русского языка несомненна. Следует,

¹⁶ Население этих областей в эпоху перестройки языка народности представляло собой в языковом отношении достаточно оформившийся в течение предшествующего периода диалектный массив. К этому выводу приходит в результате анализа современных орловских говоров С. И. Котков в своей докторской диссертации: «Курско-орловские говоры сложились не в XVI—XVII веках на базе разнодиалектных волн колонизации, как утверждалось прежде, а гораздо ранее, ибо Курско-Орловский край в XIV—XV веках имел, как было указано, постоянное русское население. XVII век застал на курско-орловской территории не диалектный хаос, а единый диалект, способный, повторяем, играть главную, ведущую роль в процессе становления русского национального языка не просто как диалектная группа, а как наиболее активная, наиболее влиятельная в то время составная часть общенародного языка». (С. И. Котков, Говоры Орловской области (фонетика и морфология), Автореферат докт. дисс., Орел, «Орловская правда», 1952, стр. 26).

однако, подчеркнуть, что по мере того, как тот или иной народ формируется в нацию, характер языкового развития начинает существенно изменяться. Уже в начальный период существования нации идет уничтожение феодальной раздробленности как в экономическом, так и в политическом отношении; в дальнейшем, по мере сплочения государства, постепенно начинают процессы ликвидации того диалектного многообразия, которое возникло в свое время в результате необыкновенно широкого объединения разноречивых территорий. Эти процессы определяются тем, что «единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»¹⁷.

Единство русского языка, временно поколебленное в процессе развития диалектного многообразия, начинает восстанавливаться в национальный период существования языка на новой основе. В этом процессе восстановления языковой общности решающую роль играет та высшая форма единого для всей нации языка, о которой пишет И. В. Сталин: «Следовательно, Маркс признавал необходимость единого национального языка, как высшей формы, которой подчинены диалекты, как низшие формы»¹⁸.

В России в эпоху становления нации эта высшая форма языка, получающая затем превалирующее положение, складывается на центральных территориях государства, в условиях возросшего значения диалектов южнорусских, курско-орловских областей. Шлифовка и оформление этого языка происходит в процессе создания на нем художественной литературы русского народа, актов государственного управления и другой письменности делового характера. Развитие этого языка и степень его влияния на местные разновидности языка в большой степени определяются сплоченностью государства, укреплением экономических связей между различными территориями страны, а также тем, как вовлекается деревня в капиталистические отношения.

Распространение этого единого и общего языка в письменном виде связывается с ростом культуры и просвещения. «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка»¹⁹, — указывает И. В. Сталин.

Отмеченные И. В. Сталиным моменты влияли на характер развития строя языка и в предшествующие этапы его развития. Но наиболее ощутительной становится их роль в условиях национального языка, особенно если становление его высшей формы происходит в условиях укрепления централизованного государства.

Большое значение в развитии национального языка имеет фиксация его норм. Она распространяется прежде всего на морфологию и лексику письменного языка; относительная стабилизация норм вызывает к жизни появление грамматик и словарей, дающих необходимую базу для дальнейшей нормализации языка. Нормы звуковой стороны языка обычно фиксируются поздно; поэтому правила произношения долгое время существуют только в устной традиции. В связи с этим вопрос о распространении звуковой нормы общего национального языка занимает особое место.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.

¹⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 15.

¹⁹ Там же, стр. 26—27.

В истории развития русской нации, когда подавляющую часть населения составляло крестьянство, медленно вовлекавшееся в капиталистические отношения и говорившее на местных диалектах, распространение звуковых норм зависело от усиления связей деревни и города, общего роста городов и численности городского населения. В этом отношении показательны неоднократно отмечавшиеся и в дореволюционной диалектологической литературе факты изменения звукового строя диалектов, расположенных вокруг больших городов, в сторону сближения с нормализованным языком.

Постепенное, хотя в условиях русского капитализма и совершенно недостаточное, распространение просвещения также становится одним из факторов, способствующих распространению звуковых норм. Следует также иметь в виду, что в пределах национального языка при прочих равных условиях носители различных диалектов оказываются в неодинаковом положении в смысле возможностей перехода к общему национальному языку и его нормам. Определяющую роль в этом переходе играет языковая система самого диалекта. Наиболее интенсивно и легко этот переход совершается в среде диалектов, легших в основу общего национального языка и, следовательно, наиболее близких к нему по строю. Пути и формы перехода к нормализованному языку лиц, говорящих на более далеких от этого языка диалектах, определяются спецификой последних. В длительном процессе перехода в отдельных звеньях языковой системы диалектов устанавливается сосуществование диалектных отличительных черт и черт общенациональных. Это сосуществование может проявляться прежде всего в лексике — в разных названиях одних и тех же предметов, процессов, причем разные названия нередко используются одними и теми же лицами в зависимости от условий языкового общения. Наблюдаются у одних и тех же лиц и колебания в употреблении различных звуков: непоследовательность в употреблении аффрикат (то цоканье, то различение), спорадические случаи особого диалектного произношения *ль, ѓ* и т. д., а также колебания в употреблении отдельных грамматических форм. С какой бы степенью интенсивности ни распространялись в пределах данного национального языка лексические, грамматические, фонетические общенациональные нормы, это распространение, успешность которого определяется ростом и укреплением государства, развитием нации как таковой, уже создает преграду для возникновения диалектных языковых новообразований. Значение процессов интеграции в пределах национального языка неуклонно возрастает.

В условиях развития капитализма в России, протекавшего внутри феодальной системы хозяйства, распространение «единого и общего» языка нации по ряду причин, как уже говорилось выше, происходило медленно. Поэтому большие группы диалектов и в этот период жили своей языковой жизнью, и в них возникали даже языковые новообразования, хотя и не с той степенью интенсивности, с какой они возникали в прошлом, в период преобладания дифференциации языковых групп. И все же общий характер языкового развития можно считать существенно изменившимся. Вновь возникающие диалектные новообразования захватывают уже весьма ограниченное количество сторон языковой системы диалекта, и эти новообразования не проникают в общий национальный язык. Именно такова судьба таких поздних диалектных черт, как утрата смыка в аффрикатах (*ш'áшка* = чашка, *кър'уса* = курица) или появление дифтонгов типа *е^u*, *о^u* (*ат'е^uц* = отец, *го^uт* = год) и т. п.

По мере развития национального языка эти новообразования все слабее и слабее проникают и из одной группы диалектов в другую. Однако в дореволюционную эпоху, когда ряд диалектов находится вне непосред-

ственного влияния нормализованного языка, еще можно наблюдать проникновение из одного диалекта в другой таких черт, которые объективно совпадают с чертами общего национального языка (например, продвижение аканья, взрывного, различение аффрикат и др.). Тот факт, что в отдельных диалектах в условиях капитализма может идти развитие местных новообразований, не исключает неизбежного и интенсивного влияния на диалекты нормализованного языка нации. Это влияние сказывается прежде всего в усвоении слов литературного языка, относящихся к различным сферам деятельности. Судьба этих слов со стороны их фонетического освоения различна; они то подчиняются фонетическим закономерностям говора, то усваиваются в той форме, в которой они пришли из литературного языка; в последнем случае порою создаются условия, колеблющие ту или иную исконно-диалектную фонетическую «норму». Медленнее, но все же непрерывно проникают в диалекты грамматические нормы общенационального языка и устраняются диалектные отличия в этом отношении, тем более, что грамматический строй русского языка является замечательно единым.

Таким образом, «перемалывание диалектов в едином языке» начинается еще на первых этапах развития капитализма, даже при слабом распространении просвещения, при резком различии деревни и города. В начале этого процесса, когда крестьянство еще пользуется преимущественно местными разновидностями национального языка, для нормализованного типа языка нации характерно тем не менее уже то преобладающее положение, которое определяет и направление развития территориальных диалектов.

7

В дальнейшем развитии языков, в условиях социализма, при ликвидации классов, в отношении нивелировки диалектов продолжают действовать тенденции предшествующего периода; однако языковые изменения протекают на этом новом этапе в новых формах и иными темпами. Основным процессом в развитии диалектов в эпоху построения социализма является их сближение с нормализованным языком нации. В языке социалистических наций этот процесс идет быстрее, что объясняется устранением противоречий между деревней и городом на основе укрепления экономической системы социалистического типа, развертыванием культурной революции, увеличением числа тех каналов, по которым идет влияние на диалекты общего языка нации.

Характерным для этого периода является впервые в истории русского народа наблюдающееся необыкновенно широкое распространение звуковых норм общего языка. Теперь их проводниками являются такие мощные источники, как школы, в которых осуществляется всеобщее обязательное обучение, широко демократические органы государственного управления, радио, звуковое кино, театр. Поэтому в настоящее время утрачивает свое былое значение факт непосредственной территориальной близости тех или иных сельских местностей к большим городским центрам, да и количество таких центров растет с каждым днем. Исследования диалектов, проводимые в советский период, постоянно обнаруживают в любых, самых периферийных говорах большое количество явлений, знаменующих неуклонное их сближение с «единым и общим» языком нации.

Поскольку для этого языка характерна определенная устойчивость норм, постольку и развитие диалектов, независимо от различных форм этого развития, становится по своему направлению и содержанию единым; возможности возникновения сколько-нибудь существенных диалектных новообразований устраняются. Процессы интеграции, которые ведут в ко-

вечном счете к установлению полного единства русского национального языка, впервые в истории языка получают решающее, уже безусловное значение. Таким образом, в эпоху социализма национальный язык получает возможность полного своего расцвета и оформления, достижения полного единства.

В новом свете впервые в истории выступают в эту эпоху также и возможности межнационального языкового общения, которое наиболее ярко проявляется в среде народов Советского Союза, а также дружественных стран народно-демократического строя. Свое первоначальное проявление это межнациональное общение получает в формировании международного словаря борьбы за социализм, за коммунизм, за создание нового строя, — при самой широкой популярности в процессе этого международного общения русского языка — языка страны, где социализм победил впервые.

Национальные языки эпохи социализма, достигающие своего расцвета и развивающиеся в сторону полного внутреннего единства, изменяются медленно и постепенно; перед ними впереди еще долгий путь развития и совершенствования. В работе «Национальный вопрос и ленинизм» И. В. Сталин так пишет об этом: «Было бы ошибочно думать, что первый этап периода всемирной диктатуры пролетариата будет началом отмирания наций и национальных языков, началом складывания единого общего языка. Наоборот, первый этап, в течение которого будет окончательно ликвидирован национальный гнет, — будет этапом роста и расцвета ранее угнетенных наций и национальных языков, этапом утверждения равноправия наций, этапом ликвидации взаимного национального недоверия, этапом налаживания и укрепления интернациональных связей между нациями»²⁰.

Происходящие в новые эпохи существования общества процессы интеграции приводят к все большему и большему распространению единого, нормализованного языка нации, влияние которого приводит к тому, что снижается интенсивность изменений в звуковой стороне языка. Изменения в составе материальных единиц языка и в закономерностях их употребления замедляются не только в местных разновидностях языка, диалектах. Едва ли есть основание полагать, что фонетические процессы, подобные падению редуцированных, возникновению аканья, переходу $e > o$, могут иметь место в настоящее время и в нормализованном типе национального языка.

Законы и правила фонетики современного языка представляют собой своеобразное наследие всего предшествующего развития языка, результат имевших место в прошлом процессов. Сказанное не означает, что закономерности развития этой стороны языка отменены: развитие продолжается, но характер его изменяется в связи с укреплением позиций нормализованного языка как единого и единственного средства общения, как средства сплочения людей в крупные устойчивые социальные общности. Нормы «единого и общего» языка наиболее решительно противостоят распространению фонетических новообразований с самого момента их возникновения. Те колебания, которые мы имеем в пределах норм общего национального языка, объясняются или еще не завершившимися процессами взаимодействия с диалектной средой (ср., например, колебание в произношении *жс'* и *ш'* в литературном языке, наличие или отсутствие ассимилятивного смягчения в группах согласных), или своеобразным влиянием письменного облика слова на его произношение (ср. отчетливое произношение *ы* в формах типа *новый*, *здоровый*).

²⁰ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 348.

К процессам этого рода, знаменующим собою установление правил и закономерностей употребления языка, вполне приложимо высказывание И. В. Сталина о том, как по мере развития науки люди подчиняют себе самые различные процессы, ранее стихийно развивавшиеся в природе и обществе: «Следовательно, когда говорят о „покорении“ сил природы или экономических сил, о „господстве“ над ними и т. д., то этим вовсе не хотят сказать, что люди могут „уничтожить“ законы науки или „сформировать“ их. Наоборот, этим хотят сказать лишь то, что люди могут открыть законы, познать их, овладеть ими, научиться применять их с полным знанием дела, использовать их в интересах общества и таким образом покорить их, добиться господства над ними»²¹.

Процессы торможения при возникновении новообразований в области фонетики, равно как и укрепление норм языка вообще, содействуют совершенствованию языка в целом. Безграничными являются возможности пополнения и развития словаря; но они осуществляются уже не в местных диалектах, а во всем национальном языке в целом, отражая развитие мышления, непрерывное продвижение в познании действительности. Богатство словаря, его рост являлись и продолжают являться важным признаком совершенствования языка. Пользование средствами языка согласно определенным нормам, правилам создает впервые в истории почву для полного, безусловного и беспрепятственного осуществления прогресса в языке, представляющего собой уже процесс, сознательно осуществляемый людьми. Стабилизировавшийся в отношении своих норм язык в новые эпохи широко используется, применяется в самых разнообразных жанрах и стилях письменной и устной речи. Создание все новых и новых лучших устных и письменных образцов языка открывает беспредельные возможности его шлифовки, его наиболее выразительного, яркого и образного применения, а также создает почву для формирования морфологических категорий, наиболее соответствующих требованиям все развивающегося мышления. В процессе этого применения выкристаллизовываются новые образцы, варианты норм, почему и встает так остро вопрос о создании стилистики национального языка, как языковедческой дисциплины нового времени, задача которой — выявить факты наиболее удачного применения языка, обобщить их, открыть закономерности этого применения, сделать их достоянием всех пользующихся данным национальным языком.

В передовой статье первого номера журнала «Вопросы языкознания» сказано: «Необходимо тщательное и всестороннее изучение языковой синонимии... Проблема синонимии — лексико-фразеологической и грамматической — смыкается с изучением стилистики общенационального языка, с изучением различных его стилистических пластов, находящихся в постоянном взаимодействии и развитии, с определением места синонимических способов выражения в общей сокровищнице выразительных средств языка»²².

Таким образом, перед нами выступает качественное своеобразие процессов развития языка, обусловленное тем, на каком этапе своей истории находятся носители данного языка.

²¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 9.

²² Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина... [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 1, стр. 26—27.